

Предисловие

Эту книгу я не перечитывал с тех пор, как написал. Теперь, через 27 лет после публикации, перечитал. Какие-то фразы убрал, другие поправил, что касается персонажей или явлений, воспринимаемых читателем как предсказанные, их я, естественно, не трогал, потому что они интересны только как увиденные с дальней дистанции. Перечитывая текст, я споткнулся на сказанном одним из персонажей слове «дерьмократия» и удивился. Я-то думал, что оно из лексикона более позднего времени, и полез в Википедию. Прочел: «Дерьмократия — оскорбительно-бранный термин публицистики... Одним из первых начал его употреблять леворадикальный политик и публицист Юрий Мухин...» Но там же замечено: «Встречается в написанной в 1986 году книге Владимира Войновича «Москва 2042». Так что у меня появился шанс претендовать на некий сомнительный приоритет.

1986-й — это год выхода книги из печати, но первые главы были написаны за четыре года до

того. Тогда страна наша еще называлась Советским Союзом и управлялась единственной партией, руководящий штаб которой, Политбюро ЦК КПСС, состоял из маразмизирующих старцев во главе с доживавшим свой век тщеславным и впадшим в детство Леонидом Ильичом Брежневым. Его было так много на телевизионных экранах, что остряки придумали для телепрограмм обобщающее название «Все о нем и немного о погоде». Чуть ли не каждый день первой новостью была церемония награждения. Или Брежнев награждал кого-то каким-то орденом, или заместители Брежнева награждали его самого. Те же остряки утверждали, что если Брежнев наденет на себя все ордена, то он под их тяжестью просто рухнет. Тогда большинство советских людей были уверены, что советская власть — это навечно.

Мало кто понимает, что мы существуем в истории, и мало у кого вообще хватает воображения на то, что когда-то все будет не так, как сейчас. Коммунистическая идеология была идеологией воинствующего атеизма. Все восемнадцать миллионов членов КПСС при вступлении в партию торжественно обещали бороться с религией и религиозными предрассудками. Кто тогда мог сказать, что наша страна православная? Никто.

Советское государство, казалось, еще крепко стоит на ногах. Промышленность продолжала выпускать в больших количествах танки и самолеты, Мировой океан бороздили ядерные подводные

лодки, всесильный Комитет госбезопасности выжигал крамолу, и трудно было представить себе, что это огромное, мощное и страшное государство приближается к концу своего существования. Хотя признаки, и вполне очевидные, были. Страна производила много пушек, танков и самолетов, но хлеб закупала в Америке, сливочное масло — в Финляндии, туалетную бумагу — в Польше, все было дефицитом. Вожди Советского Союза призывали молодежь не соблазняться западными танцами и джинсами и объявили курс на тотальную экономию всего. В столовых и ресторанах четверг был объявлен рыбным днем, то есть ничего мясного посетители не получали. Людей призывали засохший и заплесневевший хлеб после какой-то обработки употреблять в пищу, пищевые отходы (если они были) выставлять в специальных ведрах на лестничную площадку для дальнейшего использования. Каждому внимательному наблюдателю было ясно, что если страна будет развиваться дальше в том же направлении, то полное обнищание народа неотвратимо.

Страной руководили в основном старые малообразованные люди. Чтобы управлять современным государством, они нуждались в более подготовленных помощниках, и около них в конце концов скапливались советники по всем вопросам, переводчики, спичрайтеры и сочинители их мемуаров, люди, окончившие элитные учебные заведения вроде Института международных отношений

и Высшей школы КГБ. Эти люди были хорошо образованны, владели иностранными языками, лучше представляли реальную ситуацию в стране и в мире. Влияние этих людей на внутреннюю политику постепенно росло, и можно было себе представить, что управление страной когда-нибудь перейдет к ним.

Все большую роль в обществе играла религия. Люди, разочаровавшись в коммунистической идеологии, в поисках новой духовной опоры тянулись в церковь. Партийные начальники смотрели на это сквозь пальцы, тем более что многие из них сами тайно венчались и крестили своих детей. Наблюдая эти тенденции, я предполагал, что в не очень отдаленном будущем партия, КГБ и церковь сольются в каком-то симбиозе. Отсюда были эти и другие перемены в жизни страны, которые, как мне думалось, могут в не очень отдаленном будущем наступить.

Я помнил еще и о том, что наша страна и российский народ склонны к обольщению какой-нибудь личностью, человеком, мудрым, непогрешимым, строгим, но справедливым, воплощающим в себе высокие достоинства при полном отсутствии недостатков. Такими людьми в свое время воспринимались Ленин и Сталин, а в наше время из живых кандидатов на такую роль претендовал Александр Исаевич Солженицын. Когда я писал свой роман, культ его личности в определенной среде достиг накала, ставшего признаком мас-

сового помешательства. Ему приписывались все положительные качества, которые в пределах одной личности помещаться не могут. Всякая критика его текстов, мыслей и поступков встречалась в штыки и воспринималась как покушение на самое святое. Это выглядело страшновато и смешно.

Когда я написал «Москву 2042», прочитавшие роман разделились на две группы. Одни встретили книгу весьма благожелательно. Другие — крайне враждебно. Фанаты Солженицына никак не могли мне поверить, что, выводя фигуру Сим Сымыча Карнавалова, я намеревался высмеять не столько предполагаемого прототипа, сколько склонность (по моему мнению, пагубную) нашего общества так легко творить себе кумиров и бездумно идти за ними. Я подвергся поношениям, превзошедшим по своей ярости обвинения, которые предъявлялись мне когда-то в СССР. Атаки на меня продолжались несколько лет, постепенно стихая по мере угасания интереса к Солженицыну как культовой фигуре. Но в то же время росло количество читателей, которые замечали, что многое из того, что написано в книге почти тридцать лет назад, странным образом сбывается, а для того, что пока не сбылось, у нас есть еще почти тридцатилетний запас времени. Я надеюсь, что читателям, которые прочтут мой роман впервые, он тоже будет небезынтересен.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Разговор за кружкой пива

Этот разговор произошел в июне 1982 года.

Место действия: Английский сад, Мюнхен.

Мы сидели в пивной на открытом воздухе. Мы — это я и мой знакомый, которого зовут Рудольф, или, короче, Руди. А фамилию его русскому человеку запомнить вообще невозможно. Не то Миттельбрехенмахер, не то Махенмиттельбрехер. Что-то в этом духе, но это не важно. Я лично зову его просто Руди.

Мы сидели друг против друга, и Руди слегка загораживал мне общий обзор. Но, скосив глаза чуть правее, я видел перед собой отливавшее свинцом сонное озеро, по берегу которого, переваливаясь с ноги на ногу, медленно прохаживались жирные гуси и голые немцы. То есть, скорее всего, не только немцы, но и эксгибиционисты всех стран и народов, которые, пользуясь попустительством здешней полиции, слетаются в Мюнхен со всего мира, чтобы на людей посмотреть и себя показать.

Мы пили пиво из литровых кружек, которые здесь называются масс.

Я, правда, точно не знаю, это сама кружка называется масс или порция пива, которая помеща-

ется в кружке. Впрочем, это не важно. Важно то, что мы сидели в пивной, пили пиво и говорили о чем попало.

Начали мы, кажется, с лошадей. Потому что этот Руди — коннозаводчик. Он выращивает, покупает и продает лошадей. Я с ним, между прочим, на почве лошадей и познакомился.

Выполняя одно деликатное поручение. Поручение состояло в том, чтобы приобрести и переправить в Канаду жеребенка благородной породы и обязательно белой масти. Помнится, я тогда удивлялся, почему жеребенка надо покупать здесь, а не в самой Канаде. Или в любой стране на том континенте.

Когда я задал такой вопрос Руди, он надо мной очень долго смеялся. Он мне сказал, что во всем мире разводят много лошадей, которых называют белыми исключительно по невежеству. На самом деле они в подавляющем большинстве бывают белыми с желтым, розовым, серым, синим или иным отливом. Но истинно белые лошади рождаются и разводятся только в одной-единственной местности на всей земле. Эта местность называется Камарг и находится во Франции, в устье Роны.

Выбирать жеребенка мы ездили на роскошном Рудином «Ягуаре», напичканном всякой электроникой, которую Руди обожает даже больше, чем своих лошадей. У него весь дом оборудован по последнему слову самой что ни на есть ультратехники, на которую он каждый год тратит миллионы

со своих лошадиных сделок. Какие-то компьютеры, телерадиокомбайны, автоматические двери и еще что-то в этом духе. Свет в его кабинете с наступлением темноты сам по себе включается, но только в том случае, если в кабинете кто-нибудь есть. Если хозяин выходит из кабинета, свет немедленно гаснет. (Руди утверждает, что благодаря этому устройству он экономит на электричестве не менее четырех марок в месяц.) Само собой, у него есть музыкальный компьютер, на котором можно играть, как на органе, скрипке, ксилофоне, балалайке и на множестве других инструментов по отдельности и вместе. Так что один человек одним пальцем может исполнять произведения, которые раньше были доступны только большим оркестрам.

Руди так увлечен этой техникой, что, кажется, ничего не читает, кроме технических журналов и фантастики. Он даже моих книг не читал, хотя держит их на видном месте и своим лошадиным знакомым всегда хвастается, что у него есть такой вот необычный друг — русский писатель.

Мне он говорит (не читая), что я пишу слишком реалистично, а реализм — это вчерашний день литературы. Честно говоря, меня такие вздорные суждения просто бесят, и я Руди всегда говорю, что его лошади тоже вчерашний день. Но если даже лошади еще кому-то нужны, то и в литературе, изображающей реальную жизнь людей, тоже потребность пока еще не отпала. Людям о самих

себе читать гораздо интереснее, чем о каких-то там роботах, киборгах или марсианах.

Я ему это как раз в пивной, где мы сидели, сказал. На что Руди, снисходительно усмехаясь, предложил мне сравнить тиражи моих книг с тиражами любого средней руки фантаста.

— Фантастика, — сказал он самоуверенно, — это вообще литература будущего.

Этим утверждением он вывел меня из себя. Я заказал второй масс и сказал, что фантастика, как и детектив, это вообще не литература, а чепуха, вроде электронных игр, которые способствуют развитию массового идиотизма.

Жаркое солнце, холодное пиво и общий строй здешней жизни не располагают к страстному спору. Руди возражал лениво, не поддаваясь моему возбуждению, и вспомнил Жюль Верна, который, мол, в отличие от реалистов, предсказал многие научные достижения нашего времени, включая путешествие человека на Луну.

Я отвечал, что предвидеть научные достижения вовсе не задача литературы, а в предсказаниях Жюль Верна ничего оригинального нет. Всякий человек когда-нибудь воображал себе и полеты в космос, и плавание под водой, во многих старинных книгах подобные чудеса были описаны задолго до Жюль Верна.

— Возможно, — согласился Руди. — Однако фантасты предвидели не только технические открытия, но и эволюцию современного общества

к тоталитаризму. Возьми, например, Оруэлла. Разве он не предсказал в деталях создание той системы, которая существует сегодня у вас в России?

— Конечно, не предсказал, — сказал я. — Оруэлл написал пародию на то, что существовало уже при нем. Он описал идеально действующий тоталитарный механизм, который в живом человеческом обществе существовать просто не может. Если взять Советский Союз, то его население проявляет лишь внешнее послушание режиму и в то же время абсолютное презрение к его лозунгам и призывам, отвечая на них плохой работой, пьянством и воровством, а так называемый Старший Брат — предмет общих насмешек и постоянная тема для анекдотов.

Должен заметить, что с западными людьми спорить совершенно неинтересно. Западный человек, видя, что собственная точка зрения собеседника очень ему дорога, готов тут же с ней согласиться, чего совершенно не бывает у нас.

Наш спор с Руди сам по себе как-то увял, а мне хотелось его подогреть. Поэтому я сказал, что фантасты выдумали много такого, что сбылось, но выдумывают также и то, что не сбудется никогда, например путешествия во времени.

— Да? — сказал Руди, закуривая сигару. — Ты действительно думаешь, что путешествия во времени совершенно невозможны?

— Да, — сказал я. — Именно так и думаю.

— В таком случае, — сказал он, — ты очень ошибаешься. Путешествия во времени уже пе-

решили из области фантастики в область практики.

Само собой разумеется, наш разговор шел на немецком языке, в котором я тогда, в 1982 году, был еще не очень силен (сейчас я в нем тоже силен не очень). Поэтому я спросил Руди, правильно ли я его понял, что уже сегодня можно при помощи каких-то технических средств перебраться из одного времени в другое.

— Да, да, — подтвердил Руди. — Именно об этом я тебе и толкую. Уже сегодня ты можешь пойти в райзебюро*, купить за определенную сумму билет и на машине времени отправиться в будущее или прошлое, куда тебе больше нравится. Между прочим, такая машина существует пока только у нас в Германии, у компании «Люфтганза». Кстати сказать, техническое решение очень простое. Это обыкновенный космоплан вроде американского шаттла, снабженный, однако, не только простыми ракетными, но и фотонными двигателями. Космоплан достигает сначала первой, потом второй космической скорости, после чего включаются фотонные двигатели. С их помощью машина развивает околосветовую скорость, и тогда время для тебя останавливается, а на Земле идет, и ты попадаешь в будущее. Или аппарат развивает сверхсветовую скорость, и тогда ты опережаешь время и попадаешь в прошлое.

* Reisebüro — бюро путешествий (нем.).

Я уже накачался пивом и немного опьянел, но все же еще не одурел. И я сказал Руди:

— Знаешь что, ты мне брось все эти глупости городить. Ты очень хорошо знаешь — это еще Эйнштейн доказал, — что не только сверх-, но и просто световой скорости достичь вообще невозможно.

На что Руди вышел наконец из себя, выплюнул сигару, стукнул по столу пустой кружкой, чего я от него, такого уравновешенного, не ожидал.

— То, что сказал твой Эйнштейн, — заявил Руди, — давно устарело. Евклид говорил, что через точку, лежащую вне прямой, можно провести только одну параллельную, и был прав, а Лобачевский сказал, что можно провести две или больше, и оба оказались правы. Эйнштейн сказал, что невозможно, и был прав, а я говорю, что возможно, и я тоже прав.

— Слушай, слушай, — сказал я ему, — не надо так сильно задаваться. Я тебя, конечно, уважаю (я, когда выпью, всех уважаю), но ты все-таки еще не Эйнштейн.

— Ну да, — согласился Руди. — Я действительно не Эйнштейн. Я — Миттельбрехенмахер, но я тебе должен сказать, что и Лобачевский был не Евклид.

Видя, что он так сильно разволновался, я ему тут же сказал, что меня, в конце концов, мало волнует, кто из них (Эйнштейн, Лобачевский, Евклид или Руди) умнее, я современной техникой готов

пользоваться практически, а на основе каких она законов построена, мне даже неинтересно. И в самом деле. Вот эти свои записки я сейчас пишу на компьютере. Я нажимаю кнопки — на экране возникают слова. Несколько простейших манипуляций, и те же слова отпечатываются на бумаге. Если я захочу поменять какие-то абзацы местами, машина немедленно исполнит мою волю. Захочу во всех случаях поменять фамилию Миттельбрехенмахер на Махенмиттельбрехер или на Эйнштейн, машина и это для меня сделает. Я ежедневно пользуюсь электробритвой, радиоприемником или телевизором. Неужели я должен обязательно знать, на основе каких теорий все эти штуки работают?

Я спросил Руди, летал ли он сам на машине времени. Он сказал, что летал и с него хватит. Он однажды хотел посмотреть в Древнем Риме бой гладиаторов, так его самого вывели на арену. И он еле-еле унес оттуда ноги. С тех пор он всякие такие чудеса предпочитает смотреть по телевизору или читать о них книги.

Конечно, я ему не очень-то поверил. Но он мне сказал, что в реальной возможности путешествовать во времени я могу легко убедиться. Для этого мне надо только посетить его знакомую фройляйн Глобке, которая работает в райзехбюро на Амалиенштрассе, пять.

— Правда, — сказал Руди, — совершить путешествие практически тебе все равно вряд ли удастся.